

Александр РАТКЕВИЧ

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ПИСАТЕЛЯ – ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ ВЫСОКОХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Во всех сферах человеческой деятельности должны работать профессионалы. Те люди, которые свою профессию знают от «корки до корки», к тому же мыслят творчески. Писательство – та же профессия. И если за создание художественного произведения берётся человек, имеющий смутное представление об этой профессии, то и рождается у него нечто смутное, неопределённое, неконкретное.

Другое дело, кого из писателей считать профессионалом, кого к таковым можно отнести с натяжкой, а кто – вообще дилетант в литературе? Вот основополагающие вопросы моей статьи. Я не буду брать в примеры классиков или современных «литературных птиц высокого полёта». Для разговора о профессионализме писателя мне вполне достаточно обратить внимание на творчество некоторых поэтов и прозаиков Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

Для начала нужно определить, насколько возможно, кто является профессиональным писателем. **Первое** – автор, имеющий диплом об окончании литературного вуза, лицея, гимназии и т.п., диплом, где записано, что он литератор (писатель, поэт, прозаик, драматург) или литературный работник. Писатель с таким дипломом является самодостаточным хотя бы сам для себя. Но это не означает, что он будет создавать высокохудожественные произведения. К тому же наличие такого диплома не отменяет писателей-самоучек, которых сейчас большинство и которые вполне могут быть профессионалами. **Второе** – писатель, пишущий (работающий) изо дня в день (в идеале – занимающийся только изящной словесностью и ничем иным), но не обязательно много, но обязательно безупречно со всех точек зрения. И, прежде всего, тщательно работающий над словом, словосочетанием, предложением и т.д. при постоянной проработке сюжета, при терпеливой переделке и дошлифовке материала. **Третье** – писатель, крайне самокритичный, страдающий муками совести, при любом сомнении решительно уничтожающий написанное, как, например, Н.Гоголь перед смертью в 1852г. по отношению ко второму тому «Мёртвых душ» или С. Есенин по отношению к поэме «Пармен Крямин» перед смертью в 1925г. **Четвёртое** – писатель, вращающийся в литературной среде и зорко следящий за литературным процессом, анализирующий его. Постоянно издающий свои произведения и анализирующий произведения других авторов. И, естественно, общающийся с собратьями по перу. Здесь не имеется ввиду, что писатель обязательно должен находиться в рядах какой-либо литературной организации. Это по его желанию и потребностям. **Пятое** – писатель лояльно относящийся к критике своих произведений, как со стороны профессиональных критиков и коллег по перу, так и со стороны рядовых читателей, беря на вооружение аргументированные поправки и пожелания. И **шестое** – самое спорное – писатель, обязательно получающий зарплату за свои художественные произведения. За свои качественные произведения.

Внимательный читатель заметил, что во всех признаках не разу не упоминался писательский талант. Поэтому дополню: без наличия у писателя таланта ни о каком профессионализме не может быть и речи. Талант – это первичный признак писателя. Высокохудожественная литература по своей сути не может быть неталантливой.

Теперь я перейду к конкретному разговору о профессионализме писателя. Говорить же буду, как я уже отмечал, только об авторах «Полоцкой ветви». И это будет мой личный взгляд. Другие могут отметить иных авторов.

Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь», существующий уже 12-й год, имеет за своими плечами большой запас изданной литературы, которая отличается явной разношёрстностью в плане профессионализма. Причём, что интересно, некоторые наши

поэты и прозаики, будучи на словах явными профессионалами, в своих книгах сильно не дотягивают до этого почётного звания. То есть, в плане профессионализма имеется отчётливая грань между тем, о чём писатель теоретизирует и что он пишет и издаёт. Тем не менее, в этой массе изданной и издающейся за свой счёт, за счёт спонсоров, за государственные или ещё за чьи-то деньги, порой проскальзывают книги и книжицы, которые становятся знаковыми. Но в большинстве своём, конечно, вся наша поэзия и проза – рядовая, точнее, средняя и ниже среднего.

Возьмём стихи Эдуарда Медведского и Надежды Полубинской. Не секрет – они мастера стихотворного дела. Знатоки поэтических тайн. Две книги Медведского «Странность странничества» и «Я – тот, который...» уже своими названиями притягивают внимание к себе. И, надо признать, в этих книгах разлито богатое море мифологии. Мысль пульсирует чётко и внушительно.

Чёрная обнажённая девушка,
Маленькая чёрная девственница
Вступила на Землю.
Милая, как звать тебя
– Ночь...

Чёрная обнажённая девушка
По имени ночь
Прикрывается серыми руками,
Стесняясь своей наготы.
Откройся! Не стыдись себя...

Я захохочу в лицо Дню,
Светлому синеглазому парню,
Не познавшему твоей красоты,
Оберегающему тебя, как девушку,
Но ещё не знающему,
Что ты – женщина!

Но, как это ни странно, из-за усиленных смысловых поисков у Медведского страдает форма. Его стихам не хватает лаконичности, лучше сказать, изящности. И всё же, учитывая, что Медведский очень самокритичен, постоянно вращается в литературной среде, внимательно выслушивает критику в свой адрес, регулярно помогает другим поэтам подготовить к печати их книги и т.д., я вынужден причислить Эдуарда Медведского к профессиональным поэтам. И мы вправе ждать от него высокохудожественной поэзии.

У Надежды Полубинской стихи более гармоничны. В её трёх книгах «Калинов мост», «На грани» и «Под знаком бесконечности» чувствуется, что автор не только пишет, но и перерабатывает, вычёркивает брак, отшлифовывает каждую строку, каждое слово, каждый звук:

И вот – последний мой дожин.
Душа мечтает о блаженстве.
Ищу вершину у вершин,
Но нет предела совершенству.

И – свет один, и – путь один,
И на успех не уповая,
И – воскрешать, и – восходить,
И – быть воспетым, воспевая.

Налицо афористичность, кинжальность строк. Однако есть здесь некоторая расплывчатость мысли, нечёткость содержания из-за отсутствия поэтической конкретики. Это – недостаток стихов Полубинской. К тому же, и к сожалению, в одном своём стихотворении она констатирует:

Возможно, я и вовсе не поэт:
В моих стихах нет времени примет...

И это так. Поэты сами пророки своей поэзии. Так как мысль материальна, а поэтическая мысль – материальна и действенна вдвойне. Тем не менее, Надежду Полубинскую необходимо причислить к поэтам высокого профессионализма. Она тонко и глубоко чувствует ткань поэтического текста.

А что Олег Бородач и Олег Зайцев? Поэты одного поколения. Поэты, на которых одинаково и очень сильно повлиял Иосиф Бродский. Не являются ли они всего лишь подражателями нобелевского лауреата? У них по две авторские книги: Олег Зайцев «Рифмованные девиации» и «Наитие»; Олег Бородач «Прежде ненависти» и «Горше опыта». Книги интересные, с хорошими, продуманными названиями, с сильными стихами, профессионально отобранными и обработанными специально для этих книг. Фотографии авторов в них тоже поэтические. С формальной точки зрения к этим книгам, при всём желании, не придерёшься. Зайцев, например, ясно осознаёт, что «лирика – это то, что требуется доказать». При чём, доказательства должны быть высокопрофессиональны. И в то время как многие поэты «ввязнут» в приблизительности высказываемого, неточности мысли, а попросту говоря, в непрофессионализме, стихи Зайцева определённы и фактичны.

Я – тлеющий вулкан, я – сок лимона,
Я – жало холодящее змеи.
И все мои походы поимённо
Не перечислят недруги мои...

Я методично сбрасываю кожу,
Прицениваюсь к линиям вдали,
И чей-то, как всегда, покой тревожу
Дежурной фразой: «Жажду утоли»...

Или у Бородача:

Невозмутимый собеседник
Строжайшей из земных наук
Внушал, что жизнь не стоит денег.
Так жизни и не стоил звук!

Так мы, общаясь с умудрённым,
ввернём нечаянно пустяк.
Тогда часы – бокальным звоном
Запоминают нас: так-так!..

Олег Бородач и Олег Зайцев, без сомнения, профессиональные поэты, как по разработке сюжета, так и по авторской стилистической направленности. Они оригинальные, самодостаточные поэты. Но при более внимательном чтении их стихов я вынужден прийти к неожиданному выводу: стихи О.Зайцева слишком хладнокровны, стихи О. Бородача слишком горячи. И то, и то является излишеством.

Близкородственны и виртуозны в обладании формой поэты Татьяна Дорошко из Мозыря и Наталья Литвинова. У каждой из них по одной книге стихов: «Аромат орхидеи» Литвиновой и «Сквозь сны и дали» Дорошко. Стихи Литвиновой экзотичны, отсюда элементарный вывод, что они по большей части конструируются. Но это конструирование высокого, качественного уровня:

Старинным Полоцком иду,
Листая древности страницы.
И, зачерпнув речной водицы,
Ловлю печальную звезду.
И в неосознанной мечте
Я вижу – или это снится? –
Рогнеда, наклонясь напиться,
Полощет звёзды в Полоте.

Чувствуете сделанность строк. Виртуозная сделанность. У кого поэтический слух не натренирован, тот этого не почувствует.

У Татьяны Дорошко, прежде всего, бросается в глаза жанрово-строфическое разнообразие. В её книге: сонеты, элегии, газели, акrostихи, рондо, танкэ, октавы, верлибры, стихотворные циклы, стихи-поэмы и многое другое.

Тихо. И сад весь в покое, Словно и не было лета Там, где цвели левкой, - Два антипода, два цвета.	В белой фате снегопада Бывшая вотчина лилий. Зимняя графика сада. Точность. Отточенность линий.
--	--

Да, Дорошко и Литвинова – утончённо чувствующие поэты. И при всех их недоработках: излишняя сентиментальность образов и сравнений, достаточно устаревшая романтичность мировоззрения и, одновременно, полная традиционность в изложении поэтической мысли, я всё-таки признаю: профессионализм их поэзии налицо.

Хороши как поэты Николай Емельянов и Александр Коляда. Две книги Емельянова «Солёная радость» и «Кровное родство» говорят об одном единственном – это сложившийся, ярковыраженный, хоть и традиционный, поэт. Каждое стихотворение – плод профессиональных мучительных размышлений.

Слова спешат ко мне без стука. И подсознательно пока Рождается в душевных муках Ещё безжизненной строка.	Всегда негаданно-нежданно Мысль в самом дальнем уголке Блеснёт, как молния, в сознание, И жизнь затеплится в строке.
---	---

И чуть забрезжит, как в тумане,
И темноте наперекор
Вдруг разгораться ярко станет
Во мне невидимый костёр.

«Костёр» – это точно. А вот «в тумане» – не верно. Вся поэзия Емельянова конкретна, точна, автологична; никакого тумана там нет. За что и любят его слушатели. Ему осталось изжить лишь один маленький недостаток – некоторое количество банальных строк, словосочетаний, синтагм.

Коляда в своей книге «Время суток» также предстаёт перед нами сложившимся, конкретно излагающим свои образы поэтом. Но – менее профессионально, по сравнению с Емельяновым. Об этом говорит некоторое количество недоработанных строк. К тому же – реминисценции из Есенина:

Я тебя на руках унесу –
Пусть поют соловьи до зари ...

Ветер гладит закатную гриву...

Бросила солнце свои невода...

Плачут всюду забубенные скрипки...

Пахнет мёдом и мятой сладко...

В цветных лугах дурман полыни горькой...

(ср. мелодику у Есенина: «В полях зелёных табуны коней» – один к одному)

Особняком стоит поэт Владимир Мантуш. В этом году увидят свет две его книги «Сквозь» и «Чужая боль». Почти все его стихи профессиональны и

высокохудожественны. Хотя у некоторых специалистов по стихам иное мнение. Скажу больше: Мантуш – это тот водоворот, в который попадаем мы и таким образом остаёмся в истории литературного процесса. Мантуш – живой классик, с плохим здоровьем, с очень неупорядоченной семейной жизнью, с постоянными конфликтами с матерью, с соседями и т.д. То есть, его биография тоже поэтична. В то же время – он очень добродушен, сострадателен... Другого поэта, подпадающего под эту характеристику, в нашей организации нет.

Губительный дым папирос
в несчастье – целебный нектар.
Мужчину терзает вопрос:
– любимая, разве я стар?

... Расту. Понимаешь, расту;
(спасибо хорошим стихам!);
отсюда – отпетый хвостун,
поэтому – признанный хам.

Воспитанная суетой,
воспетая Музой, ты –
напрасно шумишь красотой
и жжёшь за собою мосты...

Или:

Мы после устроим пирушку...
Бродяга-бубенчик, неси
меня и мою хохотушку
метелью по Белой Руси.

Неси и кончай препираться! –
грядёт Рождество, и потом –
приятно с морозца убраться
озябшей околицей в дом.

Или:

Как же ты темна,
светлая, везде.
Где мой дом, жена,
остальное – где?

Горе той стране
и ещё тому,
кто поэт, и не
нужен никому.

Словно в горле кость
тысячью костей.
– В нашу хату гость?
Мы не ждём гостей!

Для некоторых слушателей и читателей поэтический стиль Мантуша кажется витиеватым. Это отмечают и некоторые литературоведы. Но это тот недостаток, который идёт на пользу. Он помогает Мантушу избежать клише, банальностей, штампов. Добавлю, в ноябре этого года Мантуш с некоторыми другими поэтами поедет в один из московских театров выступать на поэтических вечерах.

Ещё одного автора я бы причислил к профессионалам. Это поэт, пишущий для детей, – Владимир Леонтьев. Причём, он реализовывает шестой признак профессионализма – он получает гонорары за свои книги. На данный момент у него вышло 12 книг для детей с высоким уровнем оформления и содержания. Например: «Азбука мох игрушек», «Прямой и обратный счёт», «Геометрические фигуры», «Мы считаем всё вокруг...», «Симпатичные букашки», «Жу-жу-жу» - и всё это в стихах.

Прозаиков и драматургов, которые достигли высоко уровня профессионализма, в «Полоцкой ветви» намного меньше. Я бы назвал таких писателей: Фёдор Коньшев (Минск), Павел Низковский (Полоцк), Виктор Рябинин (Мозырь), Леонид Волков (Полоцк), Игорь Тумаш (Минск).

И драматурги – Андрей Курейчик(Минск) и Нина Виленчик(Бобруйск), пьесы которых ставят многие театры Беларуси и за её пределами.

К профессионалам своего дела относится и исследователь литературного процесса Юрий Клеванец.

Несомненно, есть у нас поэты и прозаики, которые находятся на пути к профессионализму и, соответственно, к высокохудожественной литературе. Возможно, некоторые из них сами себя считают уже сложившимися мастерами художественного слова. Я же их считаю толькодвигающихся в этом направлении. У них хорошая перспектива – так как они очень талантливы. Но талант загубить проще простого. Поэтому их судьба – в их руках. Если они изживут манию величия, если они не будут надеяться на других, а сами активно начнут пробивать себя на страницах газет, журналов и т.п., не жалея на это денег (в ближайшие годы высокая литература прибыла приносить писателям не будет), если они будут внимательно и безболезненно выслушивать всякую критику в их адрес, если они будут тщательно работать над каждой фразой, самокритично относиться к себе и своему творчеству, то эти авторы достигнут высокого уровня профессионализма и, несомненно, будут создавать высокохудожественную литературу. К таковым авторам я отношу: Веру Шароглазову (Минск), Ярослава Исачёва (Речица), Викторию Соколовскую (Полоцк), Александр Ключникова (Минск), Светлану Тишкову (Бобруйск), Александра Никифорова (Полоцк), Леонида Пулькина (Речица), Ирину Денисову (Витебск), Анастасию Баранову (Минск), Анатолия Ивчика (Новополоцк), Михаила Ворожцова (Могилёв) и Александра Супея (Бобруйск).

Как видно из сказанного, творческий потенциал у Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» огромный. Возможно, некоторые из тех, кого я здесь не упомянул, обидятся. Объявляю – никаких обид я не принимаю. Есть только один путь – вспахивать литературную целину, засеивать и выращивать свой стиль, который в качестве урожая и качественно будут собирать внимательные и умелые читатели. А кто не умеет читать высокохудожественную литературу – какой с них спрос?

2006г.